

Виктория Топоногова

An illustration of a large, leafy tree with two children climbing it. One child, wearing a red shirt and blue shorts, is perched on a high branch with arms raised. The other child, wearing a blue and white striped shirt and blue shorts, is climbing a lower branch. The background is a light, textured sky.

**НА
КРЫЛЫШКАХ
ШМЕЛЕЙ**

Виктория Топоногова
На крылышках шмелей

«Издательские решения»

Топоногова В. В.

На крылышках шмелей / В. В. Топоногова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513616-9

Если в зимние каникулы к десятилетнему мальчишке приезжает в гости «летняя бабушка», значит, его ожидает незабываемый отдых в деревне! Весёлые приключения, новые друзья и возможность наконец-то встретиться с отцом...

ISBN 978-5-00-513616-9

© Топоногова В. В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. ЛЕТНЯЯ БАБУШКА	6
ГЛАВА 2. ПАПИН КОНСТРУКТОР	10
ГЛАВА 3. РЫБНЫЙ ДОЖДЬ	14
ГЛАВА 4. НЕ ХУЖЕ БОБРОВ	17
ГЛАВА 5. НАУЧИ СЕБЯ САМ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

На крылышках шмелей

Виктория Викторовна Топоногова

Иллюстратор Виктория Топоногова

© Виктория Викторовна Топоногова, 2020

© Виктория Топоногова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3616-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. ЛЕТНЯЯ БАБУШКА

Сестра Варька на меня не похожа вообще. В школе даже сначала не верили, что эта бело-брысая девчонка – моя родная сестра. И глаза у неё серые, как у мамы, а у меня карие, и кожа у неё светлее. Ну вот чего бы ей не родиться такой же, как я, в отца? Тоже красиво было бы. Но нет – она пошла в маму. Как знала. И теперь они все – мама, сестра, бабушка – похожи, как матрёшки, а я один – в отца.

Раньше мне нравилось, когда говорили: «весь в отца», «вылитый папка», «ну настоящий Василь Васильич». Это было вроде похвалы. А теперь, когда родители развелись, всё переменялось. И бабушка, когда я чего-нибудь набедокуру, тихо так иногда говорит: «Весь в отца». Думает, я не слышу. А я слышу. И мне обидно.

Что там мама с папой не поделили – я не знаю. Но он больше не с нами, и это, вроде, всех устраивает. И он даже не приезжает, хотя бы изредка. Значит, и его это устраивает.

Когда я спрашиваю, где папа, мне говорят, что он живёт отдельно, что мы ему не нужны, ну и забудь. Забудешь тут с вами! Когда я грызу ногти, они говорят (или думают): «Весь в отца!», когда не знаю, где мои вещи – «Весь в отца», резко ответил сестре – «Весь в отца». Неужели он был такой плохой? А если он был такой плохой, то почему мама вышла за него замуж?

Мама и бабушка, конечно же, любят меня. И сестра любит. И я их люблю. Но у меня такое впечатление, что они меня любят как бы вопреки: вопреки тому, что я похож на папу. Я это чувствую, и мне это не нравится.

Почему-то я отца плохо помню. Он уходил на работу, когда мы ещё спали, и приходил поздно – задерживался в офисе. По выходным он тоже постоянно был занят: куда-то ездил, с кем-то ругался по телефону. Мама говорила, что он занимается строительством. Иногда, бывало, мы ходили с ним в парк, катались на аттракционах, ели мороженое. Но это было редко, и я смотрел не на него, а больше по сторонам. Я же не знал, что родители могут развестись. Я вообще тогда маленький был. А теперь уже в третьем классе.

Недавно нашёл свадебную фотографию моих родителей. Теперь смотрю в зеркало и сравниваю себя с папой. Я действительно на него похож. И он мне даже нравится. Странно, я его почти не помню, а мне его не хватает.

И ещё мне не хватает моей летней бабушки. Это папина мама. Вообще её баба Нюра зовут, но я про себя всегда называл её летней бабушкой, поскольку мы к ней только летом ездили. Она живёт в деревне с каким-то смешным названием. Почему-то деревню и бабушку я помню лучше, чем папу. Всегда, когда мы туда приезжали, было тепло и хорошо, на лугах цвели всякие душистые цветы, которых я и названий-то не знаю. Мелкие, яркие, пахучие. И над ними всегда то шмели, то пчёлы, то ещё какая мошкара кружилась.

А когда на лугах траву и цветы скашивали, такой аромат получался – не передать. И радостно, что сено будет (зимой им бабушка корову кормит), и грустно – такую красоту скосили... Но потом трава опять нарастает, и хорошо становится.

Но когда мама с папой развелись, в деревню мы ездить перестали.

А вторая бабушка – она не зимняя, нет, она постоянная. Её баба Валя зовут, она мамина мама. Она хорошая, помогает нам с сестрой с учёбой, пока мама на работе.

Однажды, почти сразу после Нового года, раздался звонок в дверь, и к нам в квартиру вошла женщина в валенках и старом пальто, обвязанная платком.

– Здравствуйте, Анна Васильевна, – сказала мама, и я понял по голосу, что она волнуется.

– Здравствуйте, здравствуйте... – ответила женщина.

А когда она сняла пальто, я сразу её узнал – это же моя летняя бабушка!

Но как же так? Сейчас ведь зима.

– Васёчек, какой же ты большой стал! И такой красавец – вылитый папка! – сказала летняя бабушка.

Я тогда обнял её и долго-долго не отпускал, потому что... я и сам не знал почему. А Варька испугалась почему-то. Наверное, она не помнит летнюю бабушку, она же совсем маленькая была, когда мы в деревню ездили. Но потом мама меня от бабушки отлепила и мы все пошли чай пить.

Баба Нюра привезла нам гостинцы – мёд с пасеки, домашнее варенье из сливы и яблок. Я давно не ел варенья с кусочками яблок: у нас в магазине только джем продаётся.

За чаем мама осторожно спросила:

– Как там у вас дела, Анна Васильевна?

– Хорошо, не жалуясь, – ответила бабушка.

– А что Василий? Заезжает?

– Какой заезжает! Звонит – и то редко. Работает, некогда ему.

– Как всегда, – вздохнула мама.

– Я вот что приехала-то... – вдруг говорит бабушка. – Отпустили бы хоть Васька ко мне на каникулы, пусть воздухом подышит.

А про сестру не спросила. То ли потому, что маленькая ещё, только в первый класс пошла, то ли потому, что она больше на маму похожа.

– Вася летом в лагерь поедет, – сказала мама, – а потом с нами на море.

– Зачем летом? Сейчас отпустите.

– Сейчас? – мама так удивилась, что чуть чашку не уронила.

Вот интересно, если бы уронила, она тоже была бы «вылитый отец»?

– Васёк, поедешь ко мне на каникулы? – ласково спросила бабушка.

Я посмотрел на маму, мама – на бабу Валю, баба Валя пожала плечами. Я понял, что сейчас решается всё: и поеду ли я к летней бабушке этой зимой, и поеду ли к ней потом летом, и даже увижу ли ещё папу. Поэтому я сразу решительно сказал:

– Конечно, поеду! – и крепко взял её за руку.

Бабушка погладила меня по волосам.

– Ну а что мама скажет?

Мама посмотрела на меня и сказала:

– Ну, допустим... пусть бы и съездил на недельку... Только... кто ж его повезёт?

– Я и повезу, – ответила баба Нюра. – Сейчас на электричку сядем, к вечеру уже у нас в Гречишке будем.

– Как – сейчас? – всплеснула руками баба Валя.

– А чего тянуть? Пусть собирается. Мне в Москве ночевать негде, а вас стеснять не хочу... Сейчас и поедем.

– Ур-ра! – закричал я и побежал в свою комнату за игровой приставкой.

Оказывается, в деревне бывает и зима. Я это, конечно, и раньше знал, просто своими глазами не видел никогда. И печку летом топили только иногда, когда яблоки сушили или ещё что. А сейчас её каждый день топить надо, иначе весь дом промёрзнет. Дом деревянный, не очень большой: сени (это холодная комната, где оставляют верхнюю одежду и обувь), кухня и две комнаты. Печь стоит посередине избы, бабушка топит её дровами со стороны кухни, а тепло везде.

Игровую приставку мне взять не разрешили, потому что её подключать не к чему. Телевизора у бабушки нет, она говорит, что он ни к чему: новости можно узнать и в магазине, а фильмы ей смотреть некогда.

В первую ночь я долго не мог уснуть: вокруг стояла какая-то нереальная тишина, ни тебе проезжающих машин, ни телевизора, слышного от соседей, ни работающего лифта... Зато часы на стене тикают на весь дом! Так громко, что начинаешь их слушать. И кажется, что они тикают не равномерно, а с ударением на каждый третий щелчок. Или на второй. А потом понимаешь, что все щелчки одинаковы и всё это только кажется...

Ночью выпал снег, и с утра мы с бабушкой расчищали дорожку у крыльца и проход к сараю. Мне понравилось, хотя справиться с большой лопатой поначалу было непросто.

У бабушки есть кот Тимофей. Он живёт дома, но и на улице гулять ходит. А ещё есть корова и овцы. Они живут в сарае. Над сараем устроен второй этаж, там хранится сено для коровы и овец на всю зиму, поэтому он так и называется – сеновал. А в специальном домике – курятнике – живут куры и петух. Корова у бабушки сейчас не доится: у неё будет телёнок, и её нельзя доить, чтобы телёнку питания хватало. Поэтому молоко бабушка покупает у соседей, для нас и Тимофея.

А варенье у бабушки своё, и квашеная капуста, и грибы солёные, и картошка. И хранится всё не в холодильнике, а в погребе. Там всю зиму холодно. И даже летом холодно.

Мои ботинки набрали снега и промокли сразу после приезда. Бабушка поставила их сушиться к печке, а мне дала валенки. Валенки кажутся бесформенными, но внутри они удивительно удобные и тёплые.

Под навесом на улице заготовлены дрова на всю зиму. Но их надо ещё колоть, чтобы они в печку влезли. Бабушка колет их сама на чурбаке, вкопанном в землю, и я решил ей помочь. Баба Нюра вначале очень волновалась за меня: боялась, что я топором по руке или по ноге себе попаду. Но я же не маленький уже, сам понимаю, что надо по полену попадать. Так разошёлся, что даже жарко стало.

А ещё я познакомился с соседскими ребятами. У них тоже каникулы, и они, если есть время от домашних дел, играют все вместе на улице. Бабушка отпустила меня с ними на пруд. Пруд замёрз, а его берега превратились в замечательные горки. В одном месте горку залили водой, и она стала ледяная. Мы с неё катались, сидя на картонках или просто так, без ничего. Иногда внизу возникала настоящая куча-мала. Было очень весело, я со всеми подружился, а к Косте Покосову даже сходил в гости. Их участок расположен рядом с нашим, и живут они всей семьёй в деревне круглый год. Это здорово, только вот Косте (которого здесь все называют Коськой) и остальным ребятам приходится ходить в школу в соседнее село, так как в этой деревне школы нет.

У бабушки есть сотовый телефон, такой простенький, без игрушек, но она его с собой не носит, хранит дома, за иконой. И вчера вечером я слышал, как бабушка разговаривала с кем-то.

– Ты б заехал, – говорила она. – Ну так что же... Сроки у него... Ведь Рождество скоро, сам отдохни и людям дай отдохнуть... И ещё новость у меня... Да... Васёчек наш у меня гостит, еле уговорила отпустить... Ну вот так вот... Большой уже и чистая твоя копия. И спит так же, как ты, маленький, спал... И улыбается так же, и смеётся... Давай-давай! Подумает он... Что тут думать!

Потом бабушка положила телефон обратно за икону и зашептала молитву.

Я не слышал, что отвечали ей в трубку, но, когда она зашла пожелать мне спокойной ночи, лицо её так сияло, что я и сам всё понял.

ГЛАВА 2. ПАПИН КОНСТРУКТОР

И действительно, через два дня к нам приехал папа!

Я его даже сразу не узнал, когда он вошёл. На нём была большая рыжая шапка с ушами и куртка на меху. И он оказался совсем не похож на ту фотографию, которую я видел. Какой же он, оказывается, большой и сильный!

– Ну, привет, Василич! – сказал он мне, словно мы никогда и не расставались. – Экий ты у меня здоровенный вымахал!

И он так подхватил меня на руки, что я чуть в потолок не врезался!

– Тише ты, зашибёшь ребёнка! – испугалась бабушка.

– Не зашибу, – сказал папа. – Ты ж парень крепкий, а? – спросил он меня.

– Крепкий, – ответил я.

– Ну как вы тут? Бабушке помогаешь?

– Помогаю.

– Он-то помогает, – сказала бабушка, – а родной сын дрова наколоть не заедет.

– Хочешь, я тебе бригаду пришлю? Они за полчаса наколют.

– Не нужна мне твоя бригада. Ты сам приезжай хоть иногда.

– Ой, ну ты же знаешь, какой у нас график... Ну ладно, будет время, приеду.

И я подумал, что папа, хоть и взрослый, тоже слушается свою маму.

Потом он ещё спрашивал меня про сестру, про школу, про то, как мы живём. Я рассказывал, а папа больше молчал и кивал.

Папа остался с нами на весь день. Он нашёл в сарае лыжи, подогнал крепления под меня, и мы пошли с ним в лес.

Папа шёл впереди, прокладывая лыжню, а я ехал за ним на своих лыжах.

Лес зимой настолько красивый, что у меня просто дух захватывало, когда я видел это чудо. Словно кто-то специально трудился и посыпал искрящейся снежной пудрой каждую веточку, каждое деревце. В городе такого почти не бывает.

Иногда какая-нибудь птица, завидев нас, испуганно взлетала с дерева, и с веток вниз летел целый маленький снегопад.

На снегу было множество звериных и птичьих следов. Оказывается, они все разные, и папа умеет по следу определить, кто здесь пробегал. Много было собачьих следов, в нескольких местах мы пересекли запутанную заячью дорожку и даже большие следы лося видели. А сколько было птичьих следов! Я даже не думал, что в лесу зимой столько живности бегают.

Мы обошли вокруг деревни и снова пришли к началу нашей лыжни. Теперь идти было гораздо легче, снег был уже слегка укатанный. Мы сделали ещё один круг и вернулись домой.

После обеда папа сказал:

– Смотри, что у меня для тебя есть! – и показал на большую деревянную доску, которая стояла в сених.

– А что это? – спросил я.

– Конструктор! – весело ответил папа.

У меня до этого только конструктор «Лего» был, и ещё металлический, с винтиками и гаечками. А деревянного конструктора у меня никогда не было.

– А что из него можно сделать? – поинтересовался я.

– Много чего. Всё что хочешь. Но мы с тобой будем делать скворечник.

– Скворечник? – переспросила бабушка. – Так зима же, какой скворечник? Лучше лопату мальцу сделай поменьше, а то ему с большой тяжело ещё.

– И лопату сделаем, – согласился папа, – и скворечник. Мы сейчас всё приготовим, а весной я его на берёзу повешу.

– А что такое скворечник? – спросил я.

– Это домик такой для птиц. Для скворцов. Или для других пернатых – какие поселятся, такие и будут там жить. А ты летом приедешь и посмотришь, понравился наш скворечник пичугам или плохо мы его сделали. Птицы – они ведь привередливые бывают. Где попало жить не станут.

– Летом? Летом меня мама может не отпустить, – сказал я. – У неё всё расписано. Я сначала в лагерь еду, а потом на юг, на море.

– Море – это хорошо, – согласился папа. – Но, я думаю, недельку-другую выкроим. Лето – оно ведь большое.

И правда, лето – оно очень большое. Только проходит как-то быстро.

И весь оставшийся день мы с папой делали скворечник. Папа научил меня размечать нужные детали, а потом их выпиливать настоящей пилой. У меня не всегда получалось пилить точно по линии, но папа мне помогал. Детали мы склеили столярным клеем, а потом для прочности сбили гвоздями. Получился симпатичный маленький домик с круглым окошечком и съёмной крышей.

– А где же у него будет дверь? – спросил я.

– Дверь? – засмеялся папа, – А дверь птицам и не нужна. Точнее, так – вот это окошечко – это одновременно и окно, и дверь. Леток называется.

Странно, такое маленькое отверстие – всего-то сантиметров пять.

– А они пролезут? – спросил я.

– Конечно, пролезут. Мы ведь для маленьких птиц домик делаем. А вот если какая-нибудь ворона захочет гнездо разорить, она-то как раз и не протиснется.

Я предложил раскрасить скворечник яркими красками, чтобы птицам точно понравилось и они запомнили, куда надо возвращаться, но папа сказал, что яркие цвета могут птиц напугать, а хищников, наоборот, привлечь. Домик не должен быть слишком приметным.

– Какие же здесь могут быть хищники? – спросил я, думая, конечно же, про львов и тигров, о которых читал в книгах.

– А самые разные. Вот, например, кот наш Тимофей – ух какой хищник! – сказал папа.

– И он может съесть птичек?

– Конечно, может.

– А зачем? Мы же с бабушкой его кормим и молока наливаем каждый день.

– Это правильно, но он всё равно хищник, и у него инстинкт – ловить мышей, например... Может и птичку поймать, если та зазеваётся. Ну вот... весной, когда птицы с юга прилетят и место для гнезда искать будут, повешу наш скворечник на дерево. А летом уже птенцы, наверное, будут у них.

Ох уж это лето! Пока его дождёшься!

А папа рано утром снова уехал на свою стройку. Но я знаю, что раз папа для птиц такой замечательный домик сделал, то он и для людей хорошие дома строит. А для этого нужно много времени.

ГЛАВА 3. РЫБНЫЙ ДОЖДЬ

Лета я всегда жду с нетерпением, потому что летом тепло, можно долго гулять, а в школу ходить не надо. Но это лето было особенное: папа наконец-то договорился с мамой, и мама вместо лагеря отпустила меня в деревню Гречишку к бабушке Нюре.

Я сразу же спросил бабушку, поселился ли кто-нибудь в скворечнике, который мы делали с папой. И оказалось, что поселились там не скворцы, а мухоловки – маленькие такие серые птички (они мух ловят, потому так и называются). Но это тоже хорошо. Главное, им наш скворечник понравился! Или он теперь уже не скворечник, а мухоловник?

В деревне у меня сразу нашлись всякие дела. Во-первых, надо было помогать бабушке Нюре: пропалывать грядки в огороде, окучивать картошку, кур кормить – много чего. А ещё можно было играть с соседскими ребятами, лазить по деревьям, запускать с сеновала мыльные пузыри... тоже много чего! Бабушка разрешала мне бегать с друзьями босиком под дождём, чего мама в городе никогда не позволяла. В городе даже в голову прийти не могло – босиком выйти из дому!

Однажды утром ко мне заглянул Коська Покосов и сказал:

– Айда на речку! Мне разрешили!

А я и не знал раньше, что здесь есть речка. Я спросил:

– А это далеко?

– Ерунда! Минут за сорок добежим.

– За сорок минут?!

– Собирайся скорее, а то до обеда не успеем!

К реке мы идём по старой грунтовой дороге. Вокруг звенит, жужжит, цветёт и благоухает лето! Такого лета, как в деревне, в городе никогда не бывает... В городе это почти и не лето вовсе, просто тёплое время года. А в деревне лето – это пора чудес и открытий!

Коська снимает сандалии и идёт босиком. Я тоже.

Под ногами даже не песок, а какая-то белёсая пыль, горячая-прегорячая! Так нагрелась на солнце, что невозможно стоять на месте, прямо обжигает пятки. Дорога старая, неровная, ухабистая. Коська говорит, по ней раньше на телегах ездили, а сейчас совсем не ездят, разве что на велосипедах. Когда-то здесь через реку деревянный мост был, но потом он развалился, и ездить перестали. А новый мост сделали уже в другом месте.

В глубоких колеях кое-где стоит вода. Дорога постепенно зарастает травой, и в этих водоёмчиках особенно зелено. Коська заходит прямо туда, в эту лужу. Вода ему чуть выше щиколоток.

Я, конечно же, тоже захожу в лужу. Вода приятно холодит ноги, только вот под пальцами чувствуется какая-то жижа. И ещё... Что это?!

Мне показалось, что кто-то легонько коснулся моей ноги под водой. Потом ещё раз, и ещё!

– Ай! Что это такое? – я сразу же выпрыгиваю из лужи.

– Ты чего? – спрашивает Коська.

– Там, в воде, кто-то есть! Вдруг это змея? Или пиявки?

Коська тоже пулей выскакивает из воды.

– Сейчас посмотрим! – говорит он.

Мы склоняемся над лужей, пытаюсь разглядеть, кто же там может быть. Вся она длиной метра три, а шириной вообще с колею. И кто там может жить?

Постепенно взвесь оседает, и мы видим спинки маленьких рыбок, снующих туда-сюда.

– Карасики! – радостно вскрикивает Коська.

– А откуда они там?

– Не знаю.

– Давай поймаем!

– Давай!

Коська оказался проворнее, и вот уже у него в руке крохотная, меньше ладошки, рыбка.

– А что с ней делать? – спрашиваю я.

– Давай нашей кошке отнесём, – предлагает Коська.

– Жалко... Кошка сама себе наловит.

– А тут они всё равно погибнут. Лужа-то высохнет за лето.

– Может, в реку выпустим?

– А как? До реки ещё шагать и шагать – рыбка задохнётся.

– Пошли банку возьмём. Или пакет.

Мы выпустили маленького карасика в лужу и побежали обратно.

Дома я объяснил бабушке, что в лужах живёт рыба и её надо срочно спасать, пока лужи не высохли. Бабушка дала нам крепкий пакет, и мы с Коськой помчались эвакуировать рыбный детский сад.

Налили в пакет воды и стали прямо руками ловить рыбёшек и складывать туда.

И в другой луже наловили карасиков.

А в третьей луже были не карасики, а маленькие щучки! Всего десятка три рыбок наловили.

Всех в пакете донесли до реки и выпустили. Пусть плавают!

И сами искупались.

Обратно мы с Коськой шли счастливые: всё-таки такое важное дело сделали – рыбок спасли! Теперь они уже в реке вырастут большими, красивыми!

Мы шли домой и гадали, как в луже могли оказаться эти рыбки.

– Может быть, это был рыбный дождь? – предположил я.

– Как это – рыбный дождь? – удивился Коська.

– Ну бывает же грибной дождь.

– И что?

– После него всегда грибов много. Так бабушка говорит.

– Так грибы же не с неба падают, а из земли вырастают. Дождь их только поливает, вот они и растут.

– А рыбы из чего растут?

– Рыбы из икры растут.

– Это понятно. Только неясно, как она в лужу могла попасть... Я вот видел по телику, что бывают такие смерчи, которые воду засасывают вместе с рыбой, и потом с неба и рыба, и лягушки сыплются.

– Глупости!

– А вот и не глупости! Была такая передача!

– Ну, даже если правда, у нас таких смерчей не бывает.

– А это не у нас, может, смерчем засосало, а к нам потом в лужу насыпалось.

– Нет, не может быть. Ерунда какая-то...

– А как же тогда они туда попали? Не из реки же пешком пришли!

– Ну, может, рыбаки несли улов, да и потеряли одну рыбку, а она с икрой была... вот и пошли мальки.

– Да ну, вот такого уж точно не может быть...

Так мы спорили до самого дома. Пришлось спрашивать у бабушки, как могло получиться, что в лужах на дороге живёт рыба.

– Да очень просто, – сказала бабушка. – Весной-то река разливается, половодье широко расходится – и дорогу затапливает, и луга вокруг... Вот и занесло, видать, икру-то. А лужи эти, почитай, чуть не до середины лета стоят... Вода в них тёплая, вот мальки и выжили.

ГЛАВА 4. НЕ ХУЖЕ БОБРОВ

До реки от Гречишки идти далеко, а поблизости течёт только ручей, в овраге за огородами. Но он очень мелкий, не окунёшься.

Есть ещё заросший пруд, где одни утки да лягушки купаются.

Об этом мы рассуждали с Коськой, сидя на лавочке в огороде после прополки картошки. Его тоже заставляют картошку полоть, вот мы и договорились: сначала в нашем огороде две борозды полем, а потом в покосовском. А потом опять в нашем. И так далее. Две борозды мы наперегонки полем – я одну, Коська другую. Так веселее и быстрее получается. Но за Коськой мне никак не угнаться. Он привычный, а я то об колючку какую-нибудь руку уколою, то на бабочек засмотрюсь. Так что он свою борозду заканчивает и идёт на лавочку отдыхать, а потом и я к нему присоединяюсь. Мы оба мокрые, усталые, чумазые. А искупаться негде. И даже баню только в субботу будут топить.

– Жара какая... Пойти, что ли, в ручей лечь? – размышляет Коська.

– Он же мелкий, только ещё больше изгваздаемся.

– Зато прохладный.

И тут мне в голову приходит одна идея.

– Слушай, – говорю, – а давай на ручье плотину сделаем!

– Какую ещё плотину?

– Ну, когда гидроэлектростанции строят, на реках плотины устраивают. И тогда получается озеро, то есть водохранилище.

– А зачем нам электростанция?

– Не нужна нам никакая электростанция. Нам водохранилище нужно. Чтобы купаться. Когда большие плотины делают, русло реки перегораживают, ей деваться некуда, она и разливается вширь. Даже деревни затапливает.

– А вдруг и мы деревню затапим? – пугается Коська.

– Не затапим, не бойся. Мы же сами будем контролировать, насколько ручей разольётся.

И мы побежали за огород, к ручью.

– Ну и как мы это будем делать? – спросил Коська.

– Сначала надо место выбрать.

– Выбери поближе к нашему огороду.

– Почему это к вашему? Может, к нашему? И вообще, не это главное.

– А что главное?

А что главное, я и сам пока не придумал, поэтому молчу.

В одном месте земля по краям оврага осыпалась, и он здесь становится шире. А потом опять сужается. Мне это место почему-то больше нравится – подходящее для плотины.

– Давай здесь сделаем, – говорю.

– Давай, – соглашается Коська. – А как?

– Надо чем-нибудь запрудить ручей, завалить.

– Если мы завалим ручей, у нас и ручья не останется.

– Нет, надо завалить только в одном месте, вот здесь, где поуже. Давай, ищи камни, палки – что найдёшь...

Чего только мы не накидали в ручей: и камни, и бутылки, и колесо от детской коляски, и сломанный бампер от машины...

А ручей по-прежнему течёт сквозь всё это по своему руслу.

– Что-то не то, – говорю я.

– Зато округу от мусора очистили... – отвечает Коська. – Кстати, я вспомнил, кто так делает.

– Кто?

– Бобры.

– Точно.

– Только у них лучше получается.

– Да, у них опыта больше... И чем же мы хуже бобров?

– Они деревья грызть умеют.

– Правильно. Надо дров туда накидать!

– Не-е... За дрова мне мать башку оторвёт.

– Тогда пошли веток наломаем.

Ветки нам помогли, но не очень. Ручей только чуть-чуть пошире стал.

– Всё равно протекает, – сказал Коська, осматривая наше сооружение.

– Но что-то же должно остановить эту воду! – и я начинаю руками грести к запруде со дна оврага всё подряд слой за слоем: сначала траву, потом землю, потом песок, а потом какую-то глину. И вот всё это, накиданное на тот хлам, который у нас уже был, застревает в нём и начинает, наконец-то, задерживать воду!

– Ух ты, получилось! – говорит Коська, глядя, как в овраге образуется нашими стараниями большая лужа.

Тут мы услышали, что нас зовёт Коськина мама.

Пришлось возвращаться на огород полоть картошку.

На следующий день мы продолжили строительство запруды. Воды в ней было уже выше колена, но нам этого было мало. Хотелось, чтоб можно было зайти хотя бы по пояс. Мы целый день таскали к запруде камни и битые кирпичи отовсюду, где находили, а сверху заваливали их ветками и глиной.

К вечеру воды прибавилось, и хотя плавать, конечно же, было нельзя, но окунуться и ополоснуться после прополки картошки мы наконец смогли.

– Ну вот, мы с тобой уже настоящие бобры! – сказал Коська.

Однако на следующий день о нашей запруде каким-то образом проведали коровы, которых пасут на этом лугу. Им очень понравилась наша идея насчёт того, чтобы окунуться и смыть грязь, и они освежились в нашем «водохранилище» всем стадом. Своими копытами они разворотили нашу плотину, и уровень воды снова упал. Да нам и самим как-то расхотелось там купаться после коров.

– Да что ж такое! Мы строим, а они ломают! – сокрушался Коська. – Не понимают пользы прогресса! – он поднял несколько камней и уложил их в самые большие пробоины на плотине.

– Думаешь, есть смысл восстанавливать? – спросил я.

– Нет, это я так... Пусть хоть по колено будет... Всё-таки коровам понравилось. Пусть себе пьют... им тоже жарко.

– Получается, что мы строили ванну для себя, а построили поилку для коров?

– Получается, так...

– А как же мы?

– А мы пойдём на речку.

ГЛАВА 5. НАУЧИ СЕБЯ САМ

На реке деревенские ребята устроили тарзанку.

На высоком берегу растёт дуб, и ветви его нависают над водой. На одной из таких ветвей укрепили верёвку, к ней привязали деревянную палку-перекладину. Хватаешься за перекладину, разбегаешься и летишь, а над водой тарзанку отпускаешь и ныряешь в реку.

Я плавать не умею, поэтому просто катаюсь на тарзанке, то есть руки над водой не разжимаю, а спрыгиваю потом на берег. Тоже очень интересно – всё-таки летишь над землёй и над водой, как птица!

Коська хорошо плавает, может реку туда и обратно без передышки переплыть. А я так и не научился. Мама водила меня когда-то в бассейн, мне там давали такую пенопластовую досточку, чтобы за неё держаться и плыть. Это у меня хорошо получалось. Но вот самому на воде держаться – это была проблема. Потому что плавал я «топориком», то есть прямоком ко дну притягивался. Это своё свойство я даже научился использовать: очень хорошо нырял. Когда мы с мамой и бабушкой на море ездили, я нырял, открывал глаза под водой и камешки цветные на дне рассматривал. Мог и достать какой-нибудь особенно интересный... или ракушку. Жалко только, что, яркие и разноцветные под водой, камни потом высыхали и превращались в обычную серую гальку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.